

Часть первая В ПОИСКАХ КЛАРЫ

Глава 1 ТРУДНО ЖИТЬ НА БЕЛОМ СВЕТЕ...

— «Юная рейночка порывисто вздохнула, и этот вздох о многом сказал мужественному и прекрасному графу Абазинскому...» — с чувством прочитала я и с тоской перевернула страницу затрепанного бульварного романчика. Зевок вышел непроизвольно. Нынче сентиментальные повести Зюзанны Пштиль совершенно не развлекали. — Тоска... Тоска-а.

Сунув между страниц кусочек бледно-голубой ленты, я отложила книгу на прикроватную тумбочку и потянулась. Под одеялом было тепло и уютно, но стоило высунуть из-под него ногу, как по коже тут же пробежал холодок: осень еще не вступила в свои права, но ночи уже не дышали обволакивающим жаром, как несколько недель назад. Пройдет еще неделя-другая — и по серым крышам города забарабанят дожди, погружая маленький и сонный Броцлав в дрему до самой зимы.

Поежившись, я спрятала конечность и задумалась над тем, чтобы прикрыть форточку. И как могла забыть закрыть? Совсем зачиталась.

На тумбочке сверкала, разгоняя полумрак спальни, лампа, собранная из множества кусочков чуть мутного стекла неправильной формы и металлической проволоки, но сквозь тонкие темно-зеленые занавески уже начал

пробиваться холодный свет приближающегося утра. Вздохнув, я перевернулась на живот и потерлась щекой о жестковатую льняную наволочку, пытаюсь найти удобную позу. Гномские массивные часы на книжной полке у двери решительно оттикивали четверть пятого. Почти утро, но у меня есть еще несколько часов, чтобы наверстать упущенное.

Знакомо и привычно простучали колеса грузовичка рейяна¹ Яцека. Пока едва слышно, но постепенно приближаясь, — через день молочник вместе со своим помощником развозил по домам молоко и сливки в широких и плоских полулитровых бутылках и собирал пустую тару. Я накрыла голову подушкой, когда небольшой обшарпанный самоход со скрипом остановился у нашего дома.

Иногда мне нравилось угадывать, что делают другие люди, лишь по производимым ими звукам, но сейчас стоило от всего отвлечься и подремать оставшиеся три часа, потому что потом придется встать и заниматься делами. Но я все равно против воли различила стук каблучков мальчишки-помощника, перезвон бутылок о каменный порог у задней двери и напеваемую Михалком фривольную песенку — мое окно выходило как раз во внутренний дворик.

— Спи, Клара, спи, — приказала я себе. — Утром много дел.

Но и через несколько минут уснуть не вышло. То ли из-за книги, то ли из-за погоды накатила такая тоска, что я продолжала ворочаться в кровати.

— Спи... — повторила я, но вместо того, чтобы плотнее зажмуриться, села и глубоко вздохнула, осматриваясь по сторонам.

¹ Р е й я н — обращение к мужчине, р е й я н а — к замужней женщине, р е й н а — к молодой незамужней девушке. — *Здесь и далее примеч. авт.*

В спальне все было на своих привычных местах. Там же, где и все последние годы. Но знакомая обстановка загоняла в еще большую тоску. Внезапно захотелось переделать спальню. И переклеить обои.

— Особенно обои! — резко разозлившись, воскликнула я.

В бледных утренних сумерках те выглядели серыми, но я-то знала, что стены моей спальни вот уже двадцать лет оклеены самыми розовыми обоями, какие только смог разыскать мой отец. Ему казалось, что это идеально подойдет его дочери. Я же... Уже в десять я стала постепенно менять обстановку. После долгих уговоров отец купил мне другую кровать, без нарядной резьбы, а после удалось заменить палас, раздражавший изображением пышного цветения роз. В прошлом году я выторговала себе новые шторы. Лишь со стенами найти подход к отцу никак не удавалось: рейян Нубак упорно отказывался от таких переделок. Единственной вещью, выбросить которую мне не хотелось, была лампа — тяжелая, чуть странноватая из-за своей неправильной формы. Всякий раз казалось, что лампа потешается над смотрящим, снова и снова складывая кусочки стекла иначе.

Я могла понять отца: ремонтом в доме вскоре после свадьбы занималась моя мать, а он упорно хранил о ней светлую память, удивительно легко простив и увядшую любовь, и развод, и последующий новый и счастливый брак, в котором для нас не было места.

Я к родительнице не питала обиды, лишь легкую горечь, да и ту исключительно из-за отца. Я вообще едва помнила мать — рейяна Новак, вернув себе девичью фамилию Бляхэская, укатила в курортный Лиён больше пятнадцати лет назад и в моей памяти осталась высокой стройной блондинкой. У нее были прохладные руки, нежная светлая кожа и очаровательная улыбка. Она жила в вечном облаке аромата фрезии и свежескошенной травы.

Сколько я ни пыталась, не могла как следует вспомнить ее лицо, лишь ощущение чего-то легкого, весеннего и яркого. Только какие-то детали. Хранившиеся дома фотокарточки мало утешали. С них на меня взирала чуть отстраненная и не слишком красивая молодая женщина, очарование которой таилось в улыбке, взгляде, повороте головы, осанке и идеально подобранных фасонах ныне чуть старомодных платьев. Связи с ней я не ощущала, как не чувствовала тоски и пустоты в душе. Отец всегда значил для меня больше и очень старался, чтобы я легче перенесла развод родителей.

Сам же рейян Новак развал своего брака переживал гораздо труднее. И, видимо, именно поэтому упорствовал, когда я пыталась привнести что-то новое в нашу жизнь.

— Но сколько же можно! — довольно громко возмутилась я. — Я не ребенок, а взрослая. Не могу я так.

Откинувшись на подушку, я мысленно признала, что виной всему вовсе не обои, не очередной спор с отцом, не исчезнувшая много лет назад мать и не бессонница, а приближающийся день рождения. Все же тяжело смириться с тем, что всего через каких-то семь дней мне исполнится двадцать лет, а я...

Я и сама до конца не знала, что меня гнетет. То ли жизнь в нашем небольшом и весьма захолустном Броцлаве, то ли перспектива всю эту жизнь провести за прилавком в отцовской аптеке, то ли осознание, что мои ровесницы давно вошли в таинственный и привлекательный мир первой и последующих влюбленностей. Хотелось опустошить копилку, купить билет на поезд и рвануть в Гáруч. Или хотя бы в Лиен. Увидеть хоть что-то за пределами весьма скромного городка, улочки которого змеями изгибались по холмам, прорезанным рекой Бóльша-Бя́ла.

Иногда, взяв отцовский велосипед, я пересекала левый рукав реки, взбиралась на Высоки Брег, откуда про-

сматривалась половина города, и фантазировала о том, как пышущий жаром поезд увезет меня через Бялапóле, где издавна засевали поля пшеницей и рожью, к Клецку, а оттуда — дальше на северо-восток, в столицу. Как выйду на вокзале, вдыхая непривычные ароматы. Как прогуляюсь по таинственным улочкам чуть странного, необычного и соединившего в себе все черты королевства города. Как буду таращиться на высоченные многоквартирные дома, величественные и громоздкие здания всевозможных учреждений. Как загляну в десятки лавочек и увижу больше аптек, чем в нашем тихом захолустье.

Да даже в Лиене, если верить рассказам знакомых, интереснее, а ведь город тоже стоит на берегу Больша-Бялы. Но именно рядом с Лиеном эта река оправдывает свое название, разливаясь широко и так сверкая на солнце, что вода в ней кажется молочно-белой.

— Совсем скоро мне исполнится двадцать лет, — проговорила вслух, пытаясь попробовать эти слова на вкус. Ничего не вышло. В душе ничто не отозвалось. И в голове было до печального пусто.

Наверное, все же стоит уехать, увидеть что-то за пределами нашего городка. Тогда, возможно, я что-то пойму. Что-то мне откроется. Говорят, впечатления благотворно влияют на мыслительный процесс.

В детстве я думала над тем, чтобы перенять дело отца. Закончив занятия в частной гимназии для девушек, я бежала в аптеку, садилась на маленький стульчик в задней комнате и наблюдала за тем, как отец готовит лекарства по заказам. Или перебиралась в торговый зал и следила за ним с подоконника под большой витриной, устроившись там с какой-нибудь познавательной книгой.

Мне нравилось смотреть, слушать разговоры отца с посетителями, читать рецепты в его большой рукописной книге и разглядывать картинки в огромном иллюстрированном справочнике трав.

Но к пятнадцати годам что-то переменялось. Мне стало скучно сидеть тихой мышкой. И стали скучны лекарства, которые готовил отец. Их все я знала наизусть и при желании могла сама приготовить в белой каменной ступке нужный порошок от любой известной хвори. Даже проделала это однажды на спор с родителем, завязав глаза шарфом. Но мне было неинтересно до конца жизни продавать лекарства от диареи или бессонницы.

От отца я свое разочарование скрывала, с улыбкой подменяла его за прилавком, спокойно помогала посетителям, а наедине с собой кусала губы. Отец что-то чувствовал и не настаивал на моем участии в работе аптеки. А когда мне исполнилось семнадцать и я завершила обучение в гимназии, заговорил о моем будущем так, словно и не рассчитывал передать мне дело, но этот разговор заставил меня задуматься над тем, чего я хочу от жизни.

Привольное существование под крылом отца, никогда не загонявшего меня в рамки условностей, привело к тому, что я не рассматривала свое будущее лишь в одном направлении: замужество, дети, собственный дом. Мне хотелось чего-то большего, как-то проявить себя, хотя для нашего маленького городка такие мысли были верхом нарушения размеренного патриархального уклада. Поисками я занималась долго, но и сейчас не могла понять, чему хочу посвятить свою жизнь.

Не представляя, что может меня занимать, я посещала то одни, то другие курсы последние три года. Пока другие девушки веселились, встречались и выходили замуж, я сидела за партой, а после спешила домой к отцу. Иногда со мной пытались флиртовать на улице или на курсах, но у меня не оставалось времени на подобные глупости. Я так увлеклась поисками, что выбросила из своей жизни все остальное. И вот теперь мне почти двадцать лет, многое знаю, но душа так и не потянула меня к одной из возможных профессий.

Если бы я отправилась в город покрупнее, то наверняка узнала бы больше, но в наших краях если молодая особа и могла получить профессию, то список включал не больше десяти пунктов, что ужасно злило. Ведь мужчина мог выбрать любое дело, а уж мужчина с магическим даром и вовсе имел возможность обучаться не на курсах, где кое-как читали лекции, а в магакадемии или в любом другом известном учебном заведении.

Девушкам с магическим даром тоже дозволялось сравнительно многое. Юная волшебница могла даже в магакадемию поступить: данное учреждение еще много лет назад разработало отдельный план обучения для прекрасного пола. Из программы для девушек исключались физические нагрузки и некоторые другие дисциплины, а само обучение занимало не пять лет, а только три. Но это все равно считалось огромным достижением! Имея диплом магакадемии, рейна получала возможность найти работу в самых разных учреждениях, тем самым обеспечив себе независимость от семьи. Да, ни одна волшебница не могла в итоге забраться достаточно высоко по карьерной лестнице — мир был не готов принять подобное явление, — но рейны с дипломом без труда получали работу.

Несколько лет назад даже здесь, у нас в Броцлаве, много говорили о рейяне Белонкас, получившей должность заместителя директора одного из крупнейших маггоспиталей на севере после двадцати лет отменной службы. Данному факту по всему королевству посвящали статьи в газетах, обозреватели праздновали маленькую, но очень важную победу женщин. Но не все верили в скорые перемены в обществе. И я была одной из этих неверующих.

Возможно, где-то в столице, в крупном северном или восточном городе рейнам и рейянам и стали доступны хоть немногие равные права с мужчинами, но у нас, в маленьких и тихих городках, о переменах оставалось лишь

мечтать. Тем более если ты самая обычная девушка. Даже без магических способностей.

Вздыхнув, я поднялась и натянула халат. Стоит отбросить переживания, выпить теплого молока и попытаться хоть немного поспать, а не валяться в кровати, надеясь найти ответ на вопрос, снедавший меня три года. Нашарив комнатные туфли, я тихонько направилась вниз, надеясь не разбудить отца. Но в коридоре удивленно хмыкнула, обнаружив, что дверь в его спальню закрыта неплотно. С секунду постояв, я толкнула дверь и тихо позвала:

— Отец?

Комната отца была прежде родительской спальней, но он не позволил хоть что-то в ней изменить. Я смутно представляла, как мой спокойный и немногословный отец, в одежде предпочитавший сдержанные оттенки серого и коричневого, справляется с обилием желтого и голубого в просторной комнате. Даже в утренних сумерках краски казались яркими и радостными, как залитая солнцем летняя лужайка. Отец не задернул плотные желтые шторы, и отделка из узких полос голубого шелка колыхалась на проникавшем в спальню ветру. Бледный свет полосой пересекал голубое покрывало на кровати, заползая под несмятые желтые наволочки.

Я нахмурилась, глядя на кровать. Она выглядела так, словно никто на ней этой ночью не спал.

— Неужели отец задержался, чтобы выполнить какие-то дополнительные заказы? — спросила я в пространство. — Он ведь всегда меня зовет, если надо долго и кропотливо варить снадобья...

Покачав головой, я поспешила вниз.

Здание переделал под магазин предыдущий владелец, оставив на первом этаже только кухню и небольшую столовую в задней части дома. Остальное пространство первого этажа занимал торговый зал со складом и небольшая комнатка, где отец изготавливал лекарства. Здесь же

хранились ингредиенты и уже готовые снадобья, тщательно упакованные или разлитые по бутылкам из прозрачного голубого стекла. На отдельных стеллажах хранились столичные препараты, рассыпанные в треугольные порционные пакетики из папиросной бумаги.

Заглянув в столовую, откуда просматривалась и кухня, отгороженная тонкой стенкой с врезанным в нее окном, я повернулась к складу, собираясь проверить торговый зал. И в этот миг услышала тонкий перезвон колокольчиков — открылась дверь магазина. Я на миг напрялась, решив, что кто-то надумал нас ограбить, но потом услышала знакомый щелчок: звук повернутого выключателя. На пол в шаге от меня легла полоса света, и я с облегчением улыбнулась. Похоже, отец лишь теперь вернулся домой, а я переполошилась, как параноик.

О том, что у отца завязался роман, знала давно, но он так тщательно скрывал от меня эту новость, что я не решилась сама о ней заговорить. Раз ему так проще, то я вполне могу быть хорошей дочерью и не вмешиваться в личные дела родителя. Он и так слишком давно один, и мне не хочется, чтобы он надумал всяких глупостей и отказался от личного счастья.

Улыбнувшись, я уже хотела уйти, но тут раздался новый перезвон, но на этот раз громче и резче. Стукнула дверь, словно ее распахнули с силой. Зазвенели баночки на полках. Я нахмурилась и подалась вперед, пытаясь в прощелки между стеллажами рассмотреть хоть что-то из той невнятной суеты, которая происходила в торговом зале.

— Что там происходит? — едва слышно спросила я и шагнула ближе. Мешать отцу не хотелось, но какая-то иррациональная тревога толкала вперед.

— Ну здравствуй, Казимир, — раздался хриплый голос, и меня пробрало до самых костей. Я не видела мужчину, но чувствовала его самоуверенность и силу. В этот момент рейян явно ощущал себя хозяином положения. — Давно не виделись.

— Кшиштоф? — едва слышно произнес отец. Его голос звучал странно, словно родителю не хватало воздуха. Он сипло закашлялся. — Отпусти.

— Нет.

— Что ты здесь делаешь? Зачем явился? — после короткой возни уже громче сказал отец. Теперь его голос доносился иначе, словно рейян Новак отступил влево от двери, к кассе.

— А ты будто не знаешь? — фыркнул неизвестный мне Кшиштоф. — Я пришел за тем, что принадлежит мне по праву, Казимир. За тем, что ты украл. За тем, что прятал ото всех эти двадцать три года.

Отец не ответил, но было слышно, как мужчины кружат по залу, как столкнувшиеся на одной тропе хищники.

— Я ничего тебе не должен, — резко бросил отец. — Я никому ничего не должен. У меня ничего нет.

— Я так не думаю, Казимир, — с усмешкой сказал Кшиштоф. — Иначе бы ты не уехал из Откопан и не прятался все эти годы.

— Я просто хотел забыть то, что случилось, Кшиштоф, — хмуро бросил отец. — И только.

— Забыть? — усмехнулся незнакомец, и я нервно дернулась от угрозы, прозвучавшей в его голосе. — А ты имеешь право забыть?

— Как и любой другой! — с вызовом бросил отец. — Не я повел всех в те шахты! Это была идея Ярополка.

— И он же первым погиб под обвалом, — хмуро выдохнул Кшиштоф. — Ярик был туп как пробка и жаден до денег настолько, что не побоялся полезть в тот мрак первым.

— Я не хочу это помнить! — вскричал отец. — Для меня все закончилось двадцать три года назад. Я уехал, поселился здесь, открыл свое дело...

— И забрал то, что принадлежало всем нам, — усмехнулся Кшиштоф. — На какие деньги ты открыл дело, Казимир? Откуда у тебя столько золотых, чтобы купить дом? Ты купил его на мои деньги? Или Ярополка? Или Эугенюша?

— Они погибли! — рявкнул отец. — И я не уверен, что Эугенюша просто завалило.

— Намекаешь... что это я его убил? — усмехнулся Кшиштоф, и я похолодела от угрожающих ноток, сквозивших в голосе мужчины.

— Мне плевать, что на самом деле с ним произошло, — отчеканил отец с такой яростью, какой я прежде за ним не замечала. — Все мы пострадали там!

— Но ты ловко компенсировал себе эти страдания, — зло ухмыльнулся чужак. — Сбежал, сменил фамилию, притворяешься достопочтенным рейяном... Я долго тебя искал. Как тебе удалось изменить внешность, Казимир? Это ведь запрещено законом. Лишь маги, не боящиеся смерти, готовы перекроить лицо. За очень большие деньги, конечно. Ну или нужно иметь связи и влияние...

— Но ты все равно меня нашел, — с запинкой ответил отец.

— Это было делом принципа, Казимир, — усмехнулся Кшиштоф, и торговый зал осветился ярким голубым светом.

Раздался странный звук, очень похожий на рык. Я зажала рот рукой и подступила ближе, хотя инстинкты вопили о том, что нужно бежать как можно дальше. В ушах зазвенело, в голове вспыхнула острая боль. Я почему-то точно знала, что это из-за очень сильной магии, но внезапному знанию не удивилась. Не до того. Подойдя к дверному проему, выглянула в торговый зал.

Отец полулежал у шкафов, его грудь охватывали свечащиеся путы, а над ним возвышался русоволосый мужчина, лицо которого я разглядеть не могла. То и дело взмахивая руками, чужак что-то шипел, отец отвечал, но из-за звона я не могла различить слов. В какой-то момент боль в голове стала настолько нестерпимой, что спор между мужчинами перестал казаться столь уж важным. Хотелось не только зажать уши ладонями, но и завопить во все горло. Я качнулась и стукнулась о косяк.

— Клара, — произнес отец, выпучив на меня глаза. Он побледнел и начал яростно вырываться из пут.

— Клара? — переспросил Кшиштоф, разворачиваясь ко мне. — Как удачно, что твоя дочь сама к нам спустилась, Казимир. Мне не придется подниматься, будить девочку и тащить вниз. Она пришла сама.

По ехидному изгибу губ я уловила сарказм.

Этот рейян выглядел чуть старше отца, но был куда стройнее и выше. Если бы не злоба в глубине светлых глаз, довольная усмешка и неопрятный измятый костюм из темно-синего сукна, я бы, возможно, посчитала его очень по-мужски привлекательным. Но прямо сейчас мою голову раздирала боль, а незнакомец угрожал моему единственному близкому человеку, так что я лишь хмуро склонила голову, глядя на Кшиштофа.

— Ой, какая забавная девочка, — несколько секунд потаранив меня взглядом, усмехнулся чужак. — Смелая. Знаешь, Казимир, мне нравится. Так будет веселее.

— Не трогай мою дочь, — выплюнул отец, глядя только на Кшиштофа.

— Не трону, если вернешь мне то, что забрал, — сказал рейян, продолжая смотреть на меня. — А если будешь упираться, то твоя дочурка испытает все то, что я готовил для тебя в качестве мести. — Мужчина усмехнулся и шагнул ко мне. — Ты знаешь, девушки бывают разные, даже смелые, но боль они выдержать не могут. Ни одна не смогла...

Глава 2 ИЩИТЕ ДЕВУШКУ

— Что у нас здесь?

— А, Глеб, явился, — махнул рукой с зажатым в ней блокнотом Вольшек Давидовский — высокий, чуть полноватый мужик. Ранние залысины и многочисленные

морщинки вокруг глаз делали его старше. — Где тебя носило?

Глеб Ковальский неопределенно пожал плечами и вгрызся в свой бутерброд, спеша насладиться им до того, как увидит место преступления.

— Я только час как с поезда, — сообщил он коллеге и заглянул в его записи через плечо.

— Да? — рассеянно переспросил Вольшек и задумчиво постучал ручкой по листам блокнота.

— Ты, как всегда, не слушал, — ухмыльнулся Глеб, продолжая уплетать бутерброд. Тот не отличался свежестью и на вкус был как опилки, но рейян предпочел не привередничать. Ему сегодня и так не повезло. Поездка в Лиен оставила гадостное ощущение пустоты, заглушить которое Глеб планировал плотным завтраком и здоровым сном в собственной кровати. Но на перроне его настиг вызов на кристалл от коллег с сообщением, что у маленького отделения управления магического контроля в Броцлаве впервые в этом году появилось не просто дело, а самое настоящее и крупное Дело. — Я ездил к бабуле и, вообще-то, собирался воспользоваться своим выходным, чтобы отоспаться. Но...

— Ага, — согласился Вольшек. — Но вот мы здесь.

Бутерброд был проглочен, и Глеб с раздражением вздохнул. До одури хотелось кофе, чтобы смыть им привкус основательно приправленной чесноком говядины, но вряд ли кто-то догадается предложить следователю чашечку. Придется ждать до управления, а там самому варить на плитке ту самую бурду, над банками с которой хозяйственник трясется как над золотыми слитками.

Еще более раздраженно вздохнув и постучав себя по груди кулаком в надежде, что съеденное поскорее проскочит дальше, Глеб пристально взглянул на небольшой аккуратный двухэтажный домик семьи Новак, полыхавший как осветительный кристалл.

— Так что тут у нас? — повторил рейян свой вопрос. — Мне сообщили лишь то, что произошло убийство.

Вольшек перелистнул блокнот на первую страницу, но лишь мельком взглянул в свои записи и стал рассказывать:

— Убийство, да. Неясно пока, что именно случилось: или кто-то убил при помощи магии, или пытался затереть следы заклинанием...

— Да уж, — согласился Глеб. — Это место светится так, что рассмотреть правильную картину событий едва ли удастся.

Вольшек покивал и вздохнул.

— Убитого все мы знаем, — сказал он, выждав несколько секунд. — У нас тут не так уж много жителей, а аптекарей всего трое.

— Убитого? — переспросил Глеб. — Убили Новака?

— Верно, — кивнул Вольшек. — Его обнаружил почтальон около шести утра. Он издали заметил вспышку и поспешил сюда, а потом позвонил жандармам.

— А дочь Новака? — уточнил Глеб.

Броцлав не был самым маленьким городом королевства, но как-то так выходило, что здесь почти все знали друг друга если не лично, то хотя бы в лицо. А Клару Новак не обсуждал только ленивый или слепой. Глеб даже подозревал, что о Кларе Новак не говорила только сама Клара Новак, не замечавшая ни взглядов мужчин, ни попыток за собой поухаживать. К своему стыду, Глеб и сам как-то попробовал заговорить с этой девушкой, заглянув в аптеку Казимира, но рейна настолько углубилась в собственные мысли, что, кажется, даже ни разу не посмотрела на следователя.

— А вот тут все очень странно, — вздохнув, печально сообщил Давидовский. — Мы не обнаружили Клару Новак. В доме ее нет. Как и вокруг. Еще предстоит опросить соседей, но пока неизвестно, где находится рейна Новак.

Глеб судорожно вздохнул, но тут же взял себя в руки. Девушка девушкой, но он на службе. И чем лучше выполнит свою работу, тем быстрее отыщется дочь аптекаря.

— Идем, — позвал Вольшек, не подозревая о мыслях приятеля. — Там уже все осмотрели.

Давидовский кивнул ближайшему спецу и обошел деревянный щит, которым жандармы отгородили от толпящихся на улице зевак дверь и витрины аптеки. Стекла почти не пострадали, лишь изнутри покрылись непонятным сероватым налетом.

— Это еще что такое? — уточнил Глеб и даже поскреб пленку ногтем. Та оказалась плотной и липкой, как плесень.

— Я тоже не знаю, — покивал Вольшек. — Но эта гадость, судя по всему, некогда была одним из тех снадобий, которыми Новак торговал. В заднем помещении нашлась емкость, наполовину заполненная этим веществом. — Вольшек мотнул головой. — Похоже, убийца вскрыл герметично запечатанную банку, и частицы тут же распространились по аптеке.

— И для чего только что-то подобное нужно? — покачал головой Ковальский.

— Уточним у кого-нибудь из аптекарей, — сказал Вольшек. — Вполне вероятно, что данное средство должно выдерживаться в закрытой емкости, пока не завершится длительный химический или же магический процесс, после чего компоненты теряют свою летучесть, а их смесь из кучки грязи превращается в...

— Во что-нибудь целебное, ага, — перебил его Глеб. — Но ты помни, что Новак не был магом. Спроси у рейяна Бўльбика, они с Новаком приятельствовали. Есть вероятность найти убийцу по зелью? На него оно, несомненно, тоже попало.

— Вряд ли, — покачал головой Вольшек. — Почтальон никого не видел, так что убийца сумел быстро покинуть

место преступления. Вполне возможно, что он уже избавился от одежды. Оттирается вещество легко. — Управленец по инерции потерял рукав пиджака. — Явного запаха нет.

— Магического следа тоже, — вздохнул Глеб. — Жаль. Было бы намного проще, если бы Новак готовил не лекарства, а... чернила, например.

— Или наш убийца сунулся не в эту емкость, а в соседнюю, — согласился Давидовский. — Мы не вскрывали, но по этикетке ясно, что это привезенная из столицы партия красителя. Новак ее уже здесь по бутылкам разливал.

— Красителя? Для чего? — уточнил следователь.

— Для волос, — сверившись с записями, пояснил Вольшек. — Радикальный черный цвет. Обратный адрес: Гаруч, улица Малая Арнауцкая, дом шесть.

Глеб хмыкнул и внимательно осмотрелся.

Торговый зал аптеки выглядел так, будто его долго и основательно громили, а после закоптили: половина стеллажей валялись на полу, содержимое склянок перемешалось, образовав тошнотворное разноцветное месиво с вкраплениями из всевозможных пилюль. Но еще более ужасное зрелище обнаружилось под белой простыней: Ковальский едва узнал в изломанном человеке с перекосенным лицом Казимира Новака.

— Дверь не взломана, — сверяясь с записями, сказал Вольшек. — Аптекарь или сам впустил убийцу, или вошел в здание вместе с ним. Отпечатки картину не проясняют. Их много, и все смазанные.

Глеб и сам это видел. Вокруг погибшего аптекаря весь пол был усеян той же серой гадостью, что и стены, но на полу ее основательно затоптали.

— Был ли шанс найти хоть один четкий отпечаток до того, как тут все... — спросил Ковальский с толикой разочарования, — испортили?

— Первыми прибыли жандармы, — пояснил Вольшек. — И они же первыми обнаружили, что найти нормальные отпечатки невозможно. Почтальон не подходил к телу, еще издали понял, что Новак мертв, и сразу же ринулся вызывать подмогу. И уже жандармы сообщили нам. Но следы изначально выглядели так. Похоже, наш убийца был достаточно хладнокровен, чтобы не спеша смазать все свои отпечатки.

Глеб покивал и медленно прошелся по залу. Пара жандармов тщательно осматривала и описывала содержимое прилавков, кассы и нескольких несгораемых шкафов, дверцы которых были выломаны. Он подивился тому, что довольно толстый металл сильно погнут, словно в аптеке орудовал кто-то с недюжинной силой.

— А это что? — сам у себя спросил Ковальский, заметив бледно-желтое пятнышко под стеллажом, стоявшим рядом с дверным проемом.

— Что там? — наклонившись вслед за коллегой, спросил Давидовский.

Безмолвно отвечая на вопрос, Глеб при помощи носового платка извлек из-под стеллажа аккуратную дамскую туфлю.

— Домашняя туфля? — догадался Вольшек, разглядывая покрытый налетом желтый ситец.

— Похоже, она принадлежит рейне Новак, — сказал Глеб, с прищуром рассматривая туфлю так и эдак.

— Ничего особенного, — отмахнулся Вольшек. — Просто туфля.

Глеб не был согласен, но промолчал. Сначала ему хотелось увидеть всю картину, а уже потом делать какие-то выводы. Вернув туфлю на прежнее место, следовательно прошел дальше.

В задней комнате, отведенной под склад, царил еще больший беспорядок, чем в торговом зале. И слой серого налета тоже оказался больше, а на полу среди разбитых бутылочек голубого стекла валялся внушительный гли-

няный горшок, из которого на пол высыпалась целая горка серого порошка. Повсюду были пятна белых и желтых кремов, мазей, валялись коробочки пилюль и пакетики с порошками.

— Удручающая картина, — вздохнул Вольшек и громко чихнул.

Глеб согласно покивал и помахал перед носом, пытаясь разогнать плотные ароматы лекарств и травяных сборов, щекотавшие нос.

Столовая и кухня тоже пострадали от вторжения неизвестного: ящики выдернуты, их содержимое разбросано по полу, посуда разбита и растоптана, со стен сдернуты картины. И все покрывал тот же серый налет.

Ничего не сказав Вольшеку, Глеб поднялся на второй этаж.

— И кому мог помешать рейян Новак? — с грустью спросил управленец, идя вслед за Ковальским. — Не представляю. Новак, как по мне, был самым безобидным человеком в нашем городе. К тому же немагом.

— И правда, — согласился Глеб, осматривая просторную светлую спальню хозяина.

Здесь тоже все перевернули, вырвали ящики, вытряхнули с полок одежду, разрезали матрас. Но, даже разгромленная, комната казалась светлой и радостной, как залитая солнцем лужайка.

— Что мы вообще знаем про рейяна Новака? — спросил Глеб.

— Ну... самое очевидное, — ответил Давидовский. — Казимиру Новаку было пятьдесят три на момент смерти. Лет пятнадцать или шестнадцать назад развелся с женой. Та куда-то уехала... Да! В Лиен. Точно. Жил Новак тихо, воспитывал дочь. Ничего особенного.

— Ничего особенного, — задумчиво повторил Глеб, заглядывая в спальню Клары Новак.

Здесь тоже похозяйничали, но совсем немного: сорванные шторы, вываленная на пол одежда и разрезан-

ный матрас. В приоткрытое окно проникал свежий воздух и, не находя препятствия, сквозняком гулял по помещению, шевеля страницы книги в мягкой обложке.

— Да... — протянул Вольшек. — В целом Новаки были самой обычной семьей, и тут такое!

Ковальский прищурился, вытащил из книги ленту, служившую закладкой, и задумчиво пропустил тонкую полоску между пальцами. На шелке остался едва различимый аромат лимона и зеленого чая.

— Так, что там с почтальоном? — встряхнувшись, уточнил он. — Ты его лично опросил?

— Им занимается виталист, — ответил Вольшек. — Сейчас он в доме соседки Новака, рейяны Мнишек.

Мужчины быстро пересекли дом в обратном направлении и направились к соседнему строению.

Хоть дом Ирены Мнишек и не пострадал от нападения, там царил не меньший кавардак, чем на месте преступления. В большой уютной гостиной, обставленной светлой мебелью, на широком диване полулежал сухонький рейян в серой форме работника почтамта. В кресле рядом с ним замер виталист, ни на секунду не отпуская ладонь мужчины. Во втором кресле с очень прямой спиной восседала сама хозяйка дома — хрупкая светловолосая рейяна неопределенного возраста. Женщина выглядела встревоженной и опечаленной, она неосознанно кусала губы и мяла тонкий батистовый платочек.

Здесь же находился еще один работник управления — Влодек Завяцкий. Самый молодой член их маленькой команды задумчиво что-то писал в блокноте и мигом улыбнулся, увидев Глеба.

— Здоров! — громким шепотом поприветствовал он. — Как бабуля?

Глеб с укоризной взглянул на Вольшека.

— Что ты на меня смотришь? — хмуро возмутился приятель. — Ты же знаешь, что Влодек у нас как раз тот, кто все и про всех знает.

Это было истинной правдой. Обаятельный и говорливый Влодек легко сходился со всеми и удивительным образом всегда и про всех знал даже мельчайшие подробности. И как ему это удавалось — загадка!

— Выйдем? — предложил Влодек, глянув на почтальона и рейяну Мнишек.

Глеб не стал возражать, прекрасно понимая, что управленец уже вызнал все возможные сведения.

— Почтальон увидел свечение около шести, поспешил сюда и первым обнаружил тело, — шепотом начал Завацкий, пересекая холл дома Ирены Мнишек. — Никого и ничего не видел. Побежал к рейяне Мнишек, и уже отсюда они вызвали жандармов.

— Ничего нового, — вздохнул Давидовский.

— Отнюдь! — усмехнулся Влодек уже на крыльце. — Я расспросил рейяну и многое узнал.

Стоило вернуться и услышать рассказ из уст самой Ирены Мнишек, но Глеб видел ее состояние и решил, что должен позволить женщине прийти в себя.

— И что же?

— Во-первых, у нее с Новаком был роман, — торжественно сообщил Влодек и замолчал, выдерживая театральную паузу и стреляя в коллег взглядом.

— А во-вторых? — поторопил Ковальский.

— Этой ночью Новак был у рейяны Мнишек и ушел от нее примерно в половине пятого.

— Это интересно, — согласился Глеб. — Дальше.

— По словам рейяны, Клара Новак ничего не знала о романе отца. Казимир Новак не спешил рассказывать дочери, хотя роман длился больше года, — продолжил выдавать сведения Влодек.

— И почему же? — удивился Давидовский. — Они взрослые люди. Он разведен, она...

— Вдова, — подсказал Влодек.

Мужчины вернулись в дом Новаков.

— Вот именно. Два свободных человека. Что тут скрывать?

— Ну... Сам Новак сказал рейяне, что не хочет тревожить дочь, — ответил Завацкий. — Если не ошибаюсь, с момента развода рейян Новак не был замечен в каких-либо любовных связях. Не думаю, что он все еще любил свою бывшую жену, больше похоже на то, что он излишне любил дочь и не желал причинять ей боль появлением в доме другой женщины.

Глеб кивнул. Он плохо знал аптекаря, но любой видел ту заботу, какой Новак окутывал своего единственного ребенка.

— Не думаю, кстати, что рейна Новак воспротивилась бы, — высказал свое мнение Влодек. — Она производит впечатление спокойной девушки и любящей дочери. Вряд ли бы она ревновала отца.

— Она ведь уже совсем взрослая? — уточнил Давидовский. — Сколько ей? Восемнадцать?

— Почти двадцать, — проявил осведомленность Влодек прежде, чем на вопрос ответил Ковальский.

— Похоже, Новак собирался подождать до замужества дочери, — предположил Вольшек.

— Но у девушки нет романтической привязанности к кому-либо! — воскликнул Влодек.

— И откуда ты все знаешь? — фыркнул Ковальский, чувствуя странное тепло в груди.

— В нашем сонном болоте все всё знают, — отмахнулся Влодек Завацкий. — Одно дело — кто-то незначительный, неприметный, другое — Клара Новак.

— Да, — согласился с этим Вольшек. — Ее ведь называют первой красавицей Броцлава?

Глеб не ответил, но сдержанно кивнул.

Никто и никогда не проводил официального смотра местных красавиц, но любому, если спросить, на ум первой приходила именно Клара Новак.

Она стала выделяться еще лет пять назад, когда из ху-
денькой девочки с темно-каштановыми волосами пре-
вратилась в изящную, стройную девушку. Мало с кем
общалась, любила гулять в одиночестве, носила неяркие
платья с цветочным рисунком, но удивительным обра-
зом каждый считал ее милой, доброй и обаятельной
рейной, способной украсить собой любую, даже самый
мрачный день. Странно, но не ходило слухов о завистни-
цах, как не было и слухов о счастливицах, которые заво-
евали благосклонность красавицы.

— Итак, Новак ночевал у Мнишек, — вернул всех к
прежней теме Глеб, чтобы не думать о Кларе. — Дочь Но-
вака об этом ничего не знала. Скрывая свой роман, апте-
карь стремился вернуться домой до пробуждения рейны
Новак.

— Именно, — покивал Влодек.

— Он уходил каждую ночь? — предположил Коваль-
ский.

— В том и дело, что нет, — ответил управленец. —
У них не было какого-то определенного... графика свидан-
ий.

Глеб хмыкнул и призадумался. Один из жандармов
подал следователю описные листы и приложил пальцы к
фуражке.

— Благодарю, — рассеянно сказал Ковальский и за-
шуршал бумагами, просматривая собранные сведения.

— И что рейяна Мнишек? — поторопил Влодека Да-
видовский.

— Она не заметила за Новаком ничего необычного, —
ответил младший член команды. — Рейян вел себя как и
всегда. Не переживал, не торопился домой. Ушел тоже в
свое обычное время — вскоре после того, как молочник
развез молоко по домам. Рейяна ничего не слышала, и ни-
чего ее не насторожило до того момента, пока в ее дверь
не постучал почтальон.

— Ничего удивительного, — отмахнулся Глеб. — Здесь повсюду жилые дома. Аптека — просто исключение. Булочник обитает через три улицы, лавки расположены ближе к реке. И в пять, и в шесть утра здесь слишком мало прохожих, чтобы кто-то что-то заметил.

Управленцы покивали, и Влодек спросил:

— Но где Клара? Ее нет.

— Думаете, ее похитили? — напрягся Вольшек.

— Да тут не поймешь! — отмахнулся Завацкий. — Все слишком запутано.

— Давайте где-нибудь присядем и обсудим, — предложил Глеб и направился к дому Новаков.

* * *

Дико хотелось кофе, но пришлось довольствоваться кружками с водой, которую принес Завацкий. Разложив листы на столе в гостиной Новака, Глеб долго и задумчиво их читал, пробегая взглядом по строчкам, заполненным летящим почерком одного из жандармов. Управление магконтроля Броцлава было настолько маленьким, что спецам нередко помогали подчиненные шефа жандармов, благо представители правопорядка города несли свою нелегкую службу в одном здании.

— Что мы имеем? — спросил Ковальский, взглянув на коллег.

— Что? — спросил Давидовский, с отвращением хлебнув из кружки. — Влодек, где ты это взял?

— В самоходе¹ управления, — ответил Завацкий и с большим энтузиазмом влил в себя воду. — Валялась там фляжка. Ты же сам велел, чтобы у нас с собой всегда была вода.

— Да, но надо же ее хоть иногда менять, — возмутился Давидовский, отставляя кружку на стол. Вода плеснула и мигом намочила пару листов.

¹ Самоход — автомобиль (польск.).

— Чтоб тебя, Вольшек! — вспыхнул Ковальский.

Смахнув капли, Глеб вновь просмотрел описные листы и, сверкнув на коллегу хмурым взглядом, откинулся в кресле.

— Надо опросить жителей, — чуть виновато сказал Влодек и заглянул в свой блокнот. — На этой улице больше двадцати домов. Еще соседние улицы, откуда просматривается свечение...

— Да, я уже послал людей, — прервал его Давидовский. — Будет быстрее, если этим займутся жандармы. Но вот с молочником и его помощником мы должны побеседовать лично.

— Как и еще раз с почтальоном. И рейяной Мнишек, — решил Глеб, глянув на коллег. — Сейчас оба не в лучшем состоянии, но позже могут вспомнить какие-то детали, способные пролить свет в этом деле.

— Запутанное дельце, — покачал головой Вольшек. — В наших краях что-то подобное — редкость.

Ковальский согласно кивнул. Восемь лет назад он совсем молодым следователем прибыл в Броцлав, мечтая о славе и приключениях, но попал в самое настоящее болото.

Родился и вырос Глеб в Лиене и искренне надеялся, что после академии вернется в родной город, чтобы вступить в ряды тамошних управленцев. Да и родители ждали сына домой, с терпением приняв его выбор не в пользу магнауки. Но в академии рассудили иначе, направив одного из своих отличников в сонный городок на пути в Лиен, дабы заполнить образовавшуюся там кадровую брешь.

Сначала Ковальский пылал энтузиазмом, готов был в любой момент прыгнуть в казенный самоход и помчаться хоть на другой конец города в дождливую холодную ночь, но на деле работа в управлении почти всегда сводилась к многочисленным благостным отчетам в столицу и приему жалоб у населения. Маги-преступники обходи-

ли городок стороной, а обычные злодеи не желали поразить спецов даже магическим оружием. В итоге настоящее дело, да еще и убийство, ввело большую часть команды управления магконтроля в легкий ступор.

— Да, запутанное, — рассеянно согласился Глеб и закинул руки за голову.

Кофе хотелось все сильнее. Стоило вернуться в управление и сварить себе порцию любимого напитка, но дело не ждало промедления. Часы на стене деликатно тренькнули, возвещая начало нового часа. Восемь. Прошло всего два часа, но магконтроль уже отстал на эти два часа от убийцы, который при помощи какого-то зверского магического инструмента сумел оставить в груди Казимира Новака несколько оплавленных отверстий, совсем немного отливающих зеленоватым свечением.

— Значит, опрашиваем жителей, ищем свидетелей и?.. — поторопил коллег Влодек.

— Давайте разберем то, что нам уже известно, а дальше решим, — предложил Ковальский и вновь склонился над листами.

— А нам что-то известно? — скептически уточнил Давидовский.

— Конечно! — улыбнулся Глеб. — И довольно много. Мы многого не знаем, но в целом картина произошедшего достаточно ясна.

Управленцы переглянулись и скептически воззрились на своего коллегу.

— Хорошо, давай расскажи нам свои выводы, — предложил Вольшек, передвигая описные листы к себе. — Я ведь видел все то же самое, так почему мне не слишком ясно, что же случилось?

— Мне тоже, — признал Глеб и взъерошил свои темно-каштановые, с рыжим отливом волосы. — Я не знаю, где Клара Новак. И это очень меня беспокоит.

— Думаете, ее похитили? — выдвинул неприятное для всех предположение Влодек Завацкий.

— Я очень надеюсь, что нет, — признался Глеб. — Но пока прошло совсем немного времени. Остается лишь надеяться, что произошедшее настолько напугало девушку, что она убежала. Если так, то вскоре мы ее найдем.

Давидовский хмыкнул и озвучил то, что Ковальский и сам знал, но от чего старался отмахнуться:

— Обычно люди в панике кидаются к тем, кого хорошо знают. Если бы рейна Новак побежала к кому-то из соседей или к какой-либо подруге, то о произошедшем мы узнали бы раньше, ведь любой здравомыслящий человек вызовет жандармов, услышав о нападении. — Вольшек вздохнул. — Но если Клара Новак стала свидетельницей убийства...

Все помолчали, не желая договаривать очевидное. Не хотелось верить, что этим утром убили не только безобидного аптекаря, но и его юную красавицу-дочь.

— Она и стала свидетельницей, — хмуро сообщил коллегам Ковальский.

— Правда? — удивился Завацкий. — Как ты узнал?

— Все на поверхности, — пожал плечами Глеб. — Ты ведь осматривал дом?

— Естественно, мы с Вольшеком прибыли сразу же, как с нами связались жандармы.

— Ладно, расскажи нам все, — предложил Давидовский.

В их троице начальником по всем документам числился именно Глеб Ковальский, но управленцы редко вспоминали о субординации. Да и Давидовский служил в магконтроле лет на пятнадцать дольше Глеба, застал еще предыдущего начальника Броцлавского управления, а потому испытывал к своим более молодым коллегам немного покровительственные чувства.

— Итак, — сцепив пальцы в замок и сосредоточившись, проговорил Ковальский, — рейян Новак был влюблен в рейяну Мнишек. Их отношения развивались,

но они старались не выносить их на публику. Именно поэтому аптекарь всегда возвращался от своей пассии до того, как просыпалась его дочь. Ночевал у рейяны Мнишек Новак не каждую ночь, но всегда уходил примерно в то время, когда молочник заканчивал объезжать местных жителей.

— Молочника зовут Яцек Кочма́рек, — вклинился в рассказ Влодек. — Он поставляет молоко на Черво́ну и Бя́лу дро́гу. Исходя из слов рейяны Мнишек, молочник бывает здесь через день и всегда оставляет молоко и забирает пустые бутылки примерно в четверть пятого.

— С ним обязательно нужно поговорить, — покивал Глеб и продолжил: — Значит, примерно в половине пятого или чуть позже Казимир Новак покинул дом рейяны Мнишек и вернулся к себе. Ни одна из дверей не взломана, открытые окна и форточки только на втором этаже: в спальнях хозяев, но подозреваю, что убийца вошел не в окно, а вслед за Новаком через дверь аптеки.

Давидовский и Завацкий молча покивали, соглашались с предположением коллеги.

— Напал ли убийца сразу же? — сам у себя спросил следователь. — Не думаю. Похоже, между аптекарем и его убийцей произошел разговор. Об этом свидетельствуют следы на теле. Вы ведь видели продольные подпалины на одежде?

Управленцы покивали.

— И этот разговор был настолько громким, что разбудил рейну Новак. Девушка спустилась на первый этаж, желая узнать причину шума, и, возможно, стала свидетельницей части спора и убийства рейяна Новака.

— Стоп, — прервал Глеба Давидовский. — Откуда такой вывод?

— Туфля, — коротко пояснил следователь. — Комнатная туфля рейны Новак, которую я заметил под стеллажом в торговом зале.

— Но ведь она могла потерять ее уже потом, — высказал свое предположение Влодек. — После того, как убийца совершил злодеяние и ушел. Ее мог разбудить вовсе не шум спора, а магический выброс. Новаки, конечно, обычные люди, но и обычные люди способны чувствовать воздействие, если находятся в его эпицентре.

— Нет. — Глеб покачал головой. — Нет. Девушка спустилась раньше. До того, как убийца взялся обыскивать дом. На туфле налет зелья. Да и обыск... Убийца не смог бы обыскать дом так, чтобы девушка не проснулась. Нет, она спустилась перед или сразу после убийства, но до того, как наш преступник занялся обыском.

— А если это был заезжий вор? — спросил Влодек. — У нас порой такие бывают. Раз в несколько лет. Гастролеры, решившие включить Броцлав в свой список на пути в столицу или в Лиен. Но вор оказался неудачником и попался Новаку на глаза.

— Ты, как и я, от скуки читаешь отчеты жандармерии, — отмахнулся Глеб. — Вор, даже заезжий, не стал бы пытаться ограбить аптекаря. Червона дрога — не та улица, где можно многое взять. Тут живут люди среднего достатка, а не богачи. А уж наш преступник и давно знал, что много он не получит.

Давидовский вопросительно вздернул брови.

— Будь это обычный вор, он бы влез в аптеку, пока Новака нет дома, а его дочь спит на втором этаже, — пояснил Глеб. — И вынес бы только те немногочисленные деньги, какие были в кассе. Но в описных листах указано, сам посмотри, что сумма в учетных книгах и в кассе совпадает. Нет, это был не вор. Преступник знал, что Новак у возлюбленной и вернется на рассвете. О чем нам это говорит?

— Что это не попытка ограбления, — покивал Давидовский. — Ты прав. Если бы речь шла о деньгах, то у вора была возможность войти и выйти незамеченным. Но что же у нас тогда?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая В ПОИСКАХ КЛАРЫ

<i>Глава 1.</i> Трудно жить на белом свете...	5
<i>Глава 2.</i> Ищите девушку	16
<i>Глава 3.</i> Беззащитное существо	39
<i>Глава 4.</i> История одного управления магконтроля	60
<i>Глава 5.</i> Кабинет № 11	75

Часть вторая СОБАЧЬЯ РАБОТА

<i>Глава 1.</i> Я к вам пришла навеки поселиться	94
<i>Глава 2.</i> Собачья фамилия	108
<i>Глава 3.</i> Кухонный демон	117
<i>Глава 4.</i> Разговор человека с собакой	127
<i>Глава 5.</i> Розовый чулок	136
<i>Глава 6.</i> Клара-детектив	156
<i>Глава 7.</i> Дело ясное, что дело темное	167
<i>Глава 8.</i> Руководство для желающих остаться неженатым	180

Часть третья СЛУЖЕБНЫЕ ПОМЕТКИ

<i>Глава 1.</i> Сны и фантазии	198
<i>Глава 2.</i> Следствие хоть и велось...	207
<i>Глава 3.</i> О честных и порядочных людях	215
<i>Глава 4.</i> Охота на зверя	231
<i>Глава 5.</i> Старший следователь Белянский	254
<i>Эпilog</i>	270